

С(Каз)
1190

Д. МУДАГАЛИЕВ

БАЙГА

С (каз.)

М 90

ДЖУБАН МУЛДАГАЛИЕВ

БАЙГА

Перевод с казахского

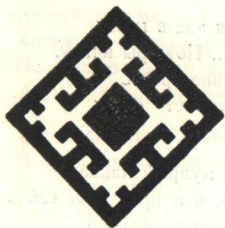
Оренбургская областная
Б. БЛИОТЕКА им. Н. Н. Крупской

Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1966

484368

ПЕСНЯ НЕ УМИРАЕТ

1

Садятся спокойно друзья по местам,
Зал полон уже — тесно сделалось там.
Пришли земляки, чтоб послушать поэта,
И ждут, что сейчас он появится сам.

Но где же поэт? Не пришел? Почему?
Вон стул, что давно приготовлен ему...
Тогда-то стихи загремели по залу,
Со сцены свободно летя в полутьму.

«Кто станет искать в этом зале меня,
Пусть сделает стих мой полоской огня,
Узоры стихов моих тихо раскроет,
Найдет мою тайну, в душе сохраняя.

Пусть ищет. Пускай, не склоняясь, идет
Мой стих, он окупит дорожный расход».
Так молвит поэт, нет которого ныне,
Словами души поднимая народ.

Стихи, за собою ведя нас в грозу,
Взмахнули крылами... Пожары внизу.
Суровое время, военное время.
Жена у окна вытирает слезу.

И песня, и шутка, и мудрый наказ —
В последнем письме, что пред нею сейчас.
Глаза ее черные жадно впивались
В те строчки глухими ночами не раз.

А как же поэт? Что известно о нем?
Ведь весточки нет вслед за этим письмом,
И даже письмо оробело, смешалось,
Не в силах открыто сказать обо всем.

Стиха был неистов и яростен путь,
И он одиноким казался чуть-чуть,
Но вызвал в сердцах он гудящую бурю...
Зал жил и дышал, как единая грудь.

Направлены взоры на эти следы,
Туда же сердца — средь огня и беды.
Уходят они в темень грозного года,
В ту первую осень военной страды.

2

«Рассвет или ночь? Не понять — тишина,
Зачем мы лежим так? И речь не слышна.
Да, кажется, впал я в тяжелую дрему...
Наверное, крепко устал я без сна.

Не дьяволы мы, что умеют не спать». Хотел он, смеясь, пробудиться и встать. Но словно зрачки его были без света, А смех, пробуждение—лишь в мыслях опять...

Тут мысли его обрываются вдруг, И мрак воцаряется снова вокруг. И, словно часы, где завод неисправен, Бьет сердце неровно, и слаб его стук.

Оно еще бодрствует, живо оно. Считать ему горькие муки дано. А все остальное убито врагами, Беспомощно тело — ему все равно.

«Но нет, то не смерти ползущая весть, Так, сон беспокойный...

Ведь гнев еще есть.

Я знаю, что мне еще много бороться,— Жива и любовь, и упорство, и месть».

И, словно раздвинув неведомый мрак, Вновь мысли проснулись, отбросили страх. И сердце забилося и затрепетало, Тоскуя о новой борьбе и стихах.

«Пока не вступил я в последний свой бой, Писать постараюсь ценою любой. Вставай-ка, Муса, хватит ныне валяться! Перо мое где? Совладею с собой!»

Но тут же покинули силы его. Ведь встать — это только желанье всего. Суставы немеют, и кости разбиты, И снизилось небо, упав на него.

«Что это со мной? Наяву иль во сне?
Где свет? Хоть бы щелка какая в окне!
И что это медленно давит на плечи?
Друзья, объясните, пожалуйста, мне!»

Но нет, не звучат, не слышны голоса,
Кругом мертвецы, немоты полоса.
Но вдруг, словно луч озарил его память,
И все, что случилось с ним, понял Муса.

... Тот бой был жесток, длился много часов,
Средь вязких болот и дремучих лесов,
Туда и сюда колебалась удача,
Качаясь, как зыбкая чаша весов.

Втянула трясина, подняться не могла,
Обрызганы кровью союзки сапог.
Да, каждого сына шаги измеряла
Земля. И дымился любой бугорок.

Отчизна в последний увидела раз,
Как сын ее бился с врагами в тот час,
Как, землю свою защищая, сражался
Поэт и солдат, слыша родины глас:

Взметнулся огонь, задрожали поля.
И вздох испустила родная земля.
И все закружилось тогда перед взором.
Высокая рухнула башня, пыля.

Весь мир закрутился, как в поле метель,
Как где-то, в далеком краю, карусель.
Подумал: «Не танцы ли смерти все это?»
И мысль прервалась, и растаяла цель.

И жизнь потеряла свое волшебство,
Мир сделался тусклым, в нем нет ничего...
В плену началась среди мук и страданий
Поэма о жизни и смерти его.

3

Осенние, страшно холодные дни,
Цепями всех пленных сковали они.
А ночь нарушает покой ненадежный,
Нет ночи без смерти. Ночь смерти сродни.

Муса возле смерти провел много дней,
Ночами он тоже встречается с ней.
Дни тянутся долго. И дня не проходит
Без пыток, которые смерти страшней.

Он гневный стоит, вспоминая бои,
И взоры к врагу обращает свои.
Напротив, в лице поминутно меняясь,
Жандарм восседает с глазами змеи.

Фашистского «рая» скрипучую дверь
Открыв, он уже закрывает теперь.
«Помиловать» он предлагает порою,
А то осыпает ударами, зверь.

— Тебя воскресили мы в эту войну,
Мы рану лечили твою не одну.
Оружие фюрера победоносно
Избавит твоих и детей и жену.

Для парня, коль благонамеренный он,
Запомни, достойных путей — миллион.
Дается оружие сейчас мусульманам,
Татары составят один легион.

Татарская будет газета. Да-да.
Писать ты стихи свои будешь туда.
Пусть бывший поэт-комиссар у нас служит,
Вот все, что нам нужно.

Пустяк, ерунда.

Смеется Муса, слов наслушавшись тех,
Как будто бы шутит с ним враг без помех,
И хмурит фашист свои куцые брови,
Тарацит глазенки,—мол, что тут за смех?

Забегали глазки со злобой большой
По пленному и по решетке стальной.
Фашист утомлен этим долгим допросом
И явно уже тяготится Мусой.

Измучен Муса, исхудал и устал,
Но держится прямо, и в сердце накал.
Стоит и глядит на врага свысока он,
Уверен, спокоен и тверд, как металл.

Суровы глаза, и в глазах не зрачки,
А словно пылают огня язычки.
Нет, то не огонь.

То свинцовые пули,
Что насмерть разят. Их пути далеки.

Внакидку шинель, что в пыли и в золе,
И кровь запеклася на левой поле.
Играет в глазах у Джалиля усмешка,—
Он словно орел на высокой скале.

— Оружье мне дашь — я тебя сокрушу,
Уж я не промажу, всю волю вложу.
Вручишь карандаш — и тогда постараюсь,—
Тебе эпитафию я напишу!..

Дверь «рая» захлопнул молодчик спеша,
И вмиг заиграл, кулаками круша.
— Пощады проси, если смерти не хочешь,
Иначе расстанется с телом душа.

— Здесь нету души моей, знай наперед,
Душа далеко, ей владеет народ.
Мой славный народ, что велик и бессмертен,
И я не умру, коль народ не умрет.

— Умрешь, — враг ему отвечает рыча.
И сыплет и сыплет удары плеча.
Смеется Муса, хоть и свалится после,
Опять ни о чем не моля палача.

4

И год сорок третий настал за окном.
Снегами покрылись пространства кругом.
И саблю зима наготове держала,—
Она лютовала над пленным стихом.

Томились стихи, — в жизни радости нет,
Мечтали увидеть сияющий свет.
Мечтали они получить от народа,
Что песни так любит, далекий привет.

Желтеет исписанный тонкий листок,
И нету дороги ему на восток.
Грозятся его уничтожить бураны
Затем, чтоб народ его видеть не мог.

Неужто тот стих, что не слышал народ,
Всего трех мушелей¹ достигнув, умрет?!
Но ведь соловей, для свободы рожденный,
И в клетке, случается, тоже поет.

Но движется время, как будто пешком,
Годами нагружено, словно мешком.
А солнце то всходит, то снова заходит,
Горит горизонт за неблизким леском.

А в лагере мрачно. Доносится стон.
Тот лагерь пожаром еще пощажен.
Оправился стих и окреп понемногу,
И к ритмам иным направляется он.

И найден тот ритм за железом дверей
(Дни мчатся над миром быстрее и быстрее).
Нет, он не один. Если надо, поддержат.
Но кто из сидящих с ним вместе людей?

---

¹ Три мушеля составляют тридцать семь лет.

Кто силу вселяет средь каменных стен,
Быть может, товарищ по имени «Н»? ..
А может быть, это отчизна родная?..
Муса не сказал, ибо плен—это плен.

Лишь песни поет он, в такт пяткой стуча.
Татарские песни, чья кровь горяча,—
О подвигах, юности славной и тайнах
Джигита, что клялся на стали меча.

«Чем быть мне султаном в чужой стороне...»
Такие слова невзначай в тишине
Взлетали. И тяжело вздыхали иные,
Любя и тоскуя, сгорая в огне.

Но «нету до этого дела» Мусе,
О песне лишь думы поющего все.
«О чем ты вздохнул?—никого он не спросит.—
О родине, песне иль милой красе?»

Когда на работу — на много часов —
Палач гонит пленных — живых мертвецов,
То их привлекает всегда на востоке
Густая полоска дремучих лесов.

— За сколько же верст та лесная гряда?
А песня ночная дойдет ли туда? —
Вдруг спросит поэт. И горящие губы
Зашепчут: — Дойдет! Это близко! Да-да!..

Тогда от конвоя украдкой глаза
Впиваются в эти густые леса.
И снова вздыхает какой-то несчастный:
Как жизнь и свобода — лесов полоса.

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Алимкулов. Влюбленными глазами 3

ОДЫ

Байга. Перевод <i>Вл. Савельева</i>	9
Родина. Перевод <i>Вл. Савельева</i>	13
Атака. Перевод <i>Н. Коржавина</i>	15
Из фронтовых писем. Перевод <i>Н. Коржавина</i>	
1. «У меня покамест нет еще жены...»	16
2. «Мое письмо на миг, родная...»	17
3. «Лети, письмо, преград не зная...»	18
Воспоминание солдата. Перевод <i>В. Корнилова</i>	20
Я тоскую, Яик... Перевод <i>В. Корнилова</i>	21
Песня. Перевод <i>В. Корнилова</i>	23
На востоке родина моя. Перевод <i>И. Законова</i>	25
Радость гражданина. Перевод <i>П. Железнова</i>	26
Товарищ. Перевод <i>Н. Сидоренко</i>	28
Детства светлого река. Перевод <i>М. Шехтера</i>	29
Колхозная девушка. Перевод <i>К. Ваншенкина</i>	31
Куаньшу. Перевод <i>Н. Титова</i>	34
Родник. Перевод <i>К. Ваншенкина</i>	35
Дымок аула. Перевод <i>Ф. Моргуна</i>	36
Песня об Уральске. Перевод <i>В. Корнилова</i>	37
Мы поем. Перевод <i>Н. Коржавина</i>	40
Март в Казахстане. Перевод <i>Н. Коржавина</i>	41
Земля Казахстана. Перевод <i>Н. Коржавина</i>	44
Моим стихам. Перевод <i>М. Шехтера</i>	46
Старейшине поэтов. Перевод <i>М. Шехтера</i>	48
Песня о целине. Перевод <i>К. Ваншенкина</i>	49
Читая Есенина. Перевод <i>К. Ваншенкина</i>	51
В родном ауле. Перевод <i>К. Ваншенкина</i>	54
«Мы возвращались с мокрыми цветами...» Перевод <i>К. Ваншенкина</i>	56

Признание. Перевод М. Шехтера	57
Двадцать пять. Перевод М. Луконина	58
На земле моя лебедь—не на небе. Перевод В. Корнилова	60

ВЛЮБЛЕННЫМИ ГЛАЗАМИ

Влюбленными глазами. Перевод В. Корнилова	63
Стихи о жизни. Перевод Вл. Савельева	65
Кокчетау. Перевод Вл. Савельева	71
Аблаев поле. Перевод В. Корнилова.	74
Когда мы были в Казани	
1. Как горячо. Перевод М. Львова	77
2. В краеведческом музее. Перевод М. Львова	78
3. Университет. Перевод Вл. Савельева	80
4. Казанское море. Перевод Вл. Савельева	81
5. Минарет Суюнбике. Перевод Вл. Савельева	83
6. Сабантуй. Перевод Вл. Савельева	84
7. Казахские розы. Перевод Вл. Савельева	86
8. Сорок девушек. Перевод Вл. Савельева	87
9. А жаль... Перевод Вл. Савельева	89
10. Я грущу. Перевод Вл. Савельева	90
В стране древних поэтов. Перевод В. Корнилова	
1. Порожденные вдохновением	92
2. Казахские стихи	93
3. Дворец колхоза «Москва»	94
4. Нурек	95
5. Горная дорога	97
6. Прощальное слово	97
Из пожелтевшей тетради. Перевод Вл. Савельева.	
Ты сама	98
Вечное желание	99
Тебя не позабыть	99
Тебе одной	100
Ты мой врач	100
Шепот ветерка	101

ПОЭМЫ

Песня не умирает. Перевод К. Ваншенкина	105
Малый Турксиб. Перевод Я. Смелякова	128
Степной дастархан. Перевод Н. Коржавина	141

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66